

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

НАЦИОНАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ ВЕК**

ОПЫТ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: ДИСКУССИЯ О КНИГЕ
Ю. ОСТЕРХАММЕЛЯ «THE TRANSFORMATION OF THE WORLD»

OSTERHAMMEL J. THE TRANSFORMATION OF THE WORLD: A GLOBAL HISTORY OF THE
NINETEENTH CENTURY / TRANS. FROM THE GERMAN BY P. CAMILLER. — PRINCETON :
PRINCETON UNIVERSITY PRESS, 2014

Издавека история представляет собой гладкую поверхность; она становится достоверной лишь вблизи.

Альфонс Ламартин

(1861, послесловие к «Истории жирондистов», 1847)

В завершение своего труда Юрген Остерхаммель цитирует известные слова Леопольда фон Ранке: «Всеобщая история мира необходима, но невозможна при настоящем положении исследований...», — и утверждает, что эти слова, написанные в 1869 г., по-прежнему верны и сегодня (Osterhammel, Camiller, 2014: 902). Причем, следует отметить, речь идет именно о «всеобщей», а отнюдь не о «всемирной» истории: многое из того, что случалось в мире, вполне вероятно, не имеет отношения к первой — а многое, что для современников выглядело вполне локальным, имеющим лишь частный интерес, тем не менее стало ее событием. В этом смысле, хотя автор и говорит лишь о том, что слова Ранке по-прежнему верны, представляется, что сейчас мы дальше от предположений о возможности «всеобщей истории», чем во времена Ранке или чуть более полувека назад, когда стала выходить история XIX столетия Эрика Хобсбаума (Hobsbawm, 1962; 1975; 1987). В конце концов, современная попытка «глобальной истории» предполагает либо сосредоточение на одном из аспектов, который считает главным, —

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. И. Канта (Калининград); доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, Хабаровск), mestr81@gmail.com.

**© Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

прояснение, не претендующее на исчерпывающий характер, описание процесса, которое обладает самостоятельной логикой и воздействует на иные процессы, как в случае Иммануила Валлерстайна (Валлерстайн, Проценко, 2016), т. е. схватывание сути, своего рода «чертеж всеобщей истории», — либо опыт описания через многообразие, по пути Фернана Броделя (Бродель, Орлова, 2015). При всей близости двух взятых для примера предприятий, в стремлении к «тотальной истории» их разделяет фундаментальное противопоставление: возможность свести многообразие к некоей единой, достаточно простой в своих основаниях схеме — или уже в качестве исходного полагать, что реальность принципиально сложна и не сводима к чему-либо более простому, чем она сама; что детали значимы тем, что способны переменить смысл целого. В последнем случае всякое обобщение — неизбежный, вынужденный шаг, чтобы сделать материал, нам предстоящий, мыслимым; но, тем не менее, это же и утрата: стремление мыслить «глобальную историю», опыт в этом направлении нам необходим хотя бы потому, что в этом контексте происходят все остальные события (если мы говорим об эпохе модерна); общая рамка — не следствие любви к «истории с птичьего полета», а, напротив, результат стремления не только сделать понятным конкретное, единичное, но и ухватить события особого рода, протекающие в долгом времени, в большом пространстве (Бродель, Юсим, 2002).

«Трансформация мира» Юргена Остерхаммеля — работа, получившая к сегодняшнему дню мировое признание, переведенная или готовящаяся к переводу на основные мировые языки (русское издание планируется на 2018 г.), — один из лучших образчиков того, как возможно если не преодолеть, то продуктивно обойти обозначенную Ранке невозможность. Прежде всего — это прекрасно написанная книга, не только умная, но и временами остроумная, написанная удивительно экономно: ее большой объем проистекает из разнообразия и глубины рассмотрения поднятых тем, каждая из которых лаконично раскрыта и тщательно продумана; она избавлена от описаний ради описания и материала, приводимого лишь ради того, чтобы продемонстрировать собственную эрудицию; всякая деталь в ней служит реализации авторских целей — и, если книга получилась столь велика, то это от того, что более краткая попытка проговорить затронутые проблемы, не утрачивая необходимой серьезности, оказалась бы напрасной. Мы не будем пересказывать ее содержание и отошлем к по необходимости краткому, но емкому обзору, сделанному А. И. Миллером (Миллер, 2010). Отметим лишь, что в центре исторической концепции Остерхаммеля,

как она представлена в рассматриваемом труде, лежит масштабная версия новой имперской истории, над которой он работает с конца прошлого века. Как отмечалось исследователями, «история империй [в интерпретации Остерхаммеля. — А. Т.] претендует на охват всего исторического пространства — от политической и экономической до социальной истории и истории культуры — на глобальном уровне и в самых широких хронологических рамках» (Ауст, 2004: 600). Если в работах 1990-х — первой половины 2000-х речь шла о подступах к подобному рассмотрению, то «Трансформация мира», вышедшая в немецком издании в 2009 г. и в 2014 г. переведенная на английский, что сделало ее доступной более широкой научной аудитории, представляет собой реализацию данной программы — и, следует признать, вполне успешную. Остерхаммелю удается сочетать разные планы исследования — от истории образов и метальных карт до истории социальной, политической и экономической — в сложное единство не за счет подчинения всего многообразия какой-либо главенствующей линии, а в пересечении и наложении планов: империи оказываются не «игроками», подчиняющими всех прочих, а самыми массивными актерами среди других; образования, чье тяготение ощущается повсюду.

Со своей стороны я сосредоточусь на том аспекте фундаментальной и великолепной как по замыслу, так и — в первую очередь — по исполнению работы Остерхаммеля, который непосредственно связан с моей собственной предметной областью, с историей национализмов. Согласно Остерхаммелю, XIX в., вопреки его репутации, неверно называть «веком наций» (название, в первую очередь связанное с революционной волной 1848 г.) — подавляющее большинство политических субъектов на протяжении этого столетия не были национальными государствами; их число хоть и возросло к концу столетия, однако, тем не менее, подобная форма политической организации оставалась весьма редкой, особенно если наше внимание не будет сфокусировано лишь исключительно в границах Европы.

Заявленный автором тезис уже тем хорош и полезен, что провокативен в интеллектуальном плане, позволяя увидеть знакомые темы и предметы с непривычных ракурсов. Остерхаммель весьма убедительно демонстрирует, что привычное противопоставление «наций» и «империй» имеет слабое отношение к реалиям XIX столетия. Параллельно с Роджерсом Брубейкером (Брубейкер, Борисова, 2012) Остерхаммель считает верным говорить — правда, применительно только к XIX в. — не о «нациях», но о «национализмах» (Osterhammel, Camiller, 2014: 406):

именно последние оказывались влиятельными социальными и политическими силами, во многом определившими облик столетия. Вместе с тем, противопоставление «наций» и «империй», на наш взгляд, далеко не лишено продуктивности — более того, именно внутреннее противоречие двух этих политических феноменов, вполне традиционное для описаний XIX столетия, является определяющим: материал и многочисленные наблюдения Остерхаммеля подтверждают этот вывод. Если для современной нации ключевым является понятие гражданства, то империя определяется подданством. К этой же проблематике обращается в своем IV, последнем из вышедших на данный момент, томе «Мир-системы Модерна» Иммануил Валлерстайн, отмечая заложенный в современном понятии «гражданства», «гражданина» парадокс: с одной стороны, гражданами, согласно, например, Сийесу должны быть «все обитатели той или иной страны»; всякому постоянному жителю данной страны надлежит быть гражданином, то есть быть причастным существующему политическому строю, что обеспечивает легитимность последнего, отныне связанного с понятием народного суверенитета, становящегося универсальным. И в то же время ограничение гражданства необходимо — по критериям не только возраста, но и пола, состоятельности, обладания недвижимым имуществом; образовательным цензом или как-либо еще. В идеале гражданином должен быть каждый — и в то же время не всякий способен им быть, из чего возникает разграничение на «пассивных» и «активных» граждан: только последние являются «подлинными акционерами этого великого общественного приятия», лишь они «являются... полными членами общества» (Валлерстайн, Проценко, 2016: 171). Валлерстайн пишет, интерпретируя формулировку Сийеса как раннее и оттого эксплицитное выражение скрытых в политической теории и практиках XIX в. конфликтов:

Отличием XIX века стали попытки соорудить теоретические подмости, которые могли бы узаконить превращение данных категорий в правовые категории, с тем чтобы подобные категории служили ограничению того, в какой степени провозглашенное равенство всех граждан реализовывалось на деле. Причина этого проста. Когда неравенство является нормой, не требуется делать каких-либо новых различий в дополнение к тем, что уже существуют между людьми разных рангов — в целом между знатными и простолюдинами. Однако, когда официальной нормой стало равенство, внезапно оказалось принципиальным понимание того, кто в действительности составлял этих «всех», имевших равные права, то есть кто являлся «активными» гражданами. *Чем больше равенство провозглашалось в качестве морального принципа,*

тем больше внедрялось препятствий — юридических, политических, экономических и культурных, чтобы предотвратить его реализацию [выделено нами. — А. Т.] (Валлерстайн, Проценко, 2016: 172).

«Цивилизационная миссия», патернализм и расизм оказывались разными, но вполне сочетающимися в разных отношениях и пропорциях способами утверждения неравенства в ситуации, когда принцип равенства все чаще принимался в качестве универсального. «Гражданство» и «подданство» оказывались разными, но принципиально сосуществующими категориями в рамках имперских реалий (Osterhammel, Camiller, 2014: 465) — тем более, что само «гражданство», как замечательно подчеркнул Валлерстайн, было в реальности далеко от гомогенности. В результате это создавало все возрастающее внутреннее напряжение: подобно тому, как утверждение принципа «народного суверенитета» и связанного с ним понимания гражданства как принадлежащего в качестве права и обязанности (участия, причастности) всем жителям данного государства подталкивало к утверждению всеобщего, равного гражданства, исключения из чего раз за разом приходилось создавать и обосновывать как необходимые изъятия из общего принципа, следовать которому вполне не позволяет реальность, — так и разграничение на «подданных» и «граждан», с одной стороны, наполняя позитивным содержанием понятие «пассивных граждан», вместе с тем — по мере того, как «цивилизационная миссия» оказывалась успешной по крайней мере в плане распространения общих представлений, усвоения некоторого минимального, но разделяемого и гражданами, и подданными политического языка; по мере универсализации представлений об участии и представленности, возможности определить данный политический режим, данную политическую систему как «свою» — подтачивало имперский порядок¹.

¹Примечателен и другой выделяемый Остерхаммелем аспект данного вопроса: именно Франция, наиболее последовательно утверждавшая принципы гражданского равенства, оказалась гегемонистской в своих колониальных культурных практиках — так, Ханой, столица французского Индокитая, в архитектурном плане демонстративно не учитывал никаких «местных» элементов, воспроизводя французские образцы (Osterhammel, Camiller, 2014: 284–285), а среди обитателей колонии осуществляется четкое разграничение между (1) прибывшими из метрополии, (2) родившимися уже в колонии и (3) туземцами. «Универсализм» утверждаемых принципов здесь наглядно проявляется как трансляция собственных культурных и политических принципов («собственное» тождественно «универсальному»), тогда как гораздо более ограниченная в утверждении универсалистских политических принципов британская практика оказывается способной к гораздо более гибким формам соучастия.

На протяжении XIX в. европейские империи сохраняли и укрепляли легитимность в глазах как метрополий (в случае, например, Франции и Англии, являвшихся национальными государствами), так и граждан и подданных за счет экономического, военного и политического превосходства: если угодно, то перед нами самоподдерживающийся и самоукрепляющийся, самораспространяющийся режим — так, колониальный раздел Африки в последние десятилетия века был связан не столько с потребностями самих держав, сколько с их опасениями в отношении друг друга. Новые колониальные владения в данном случае образовывались по принципу «опережения», «предвосхищения» возможных действий противной стороны: дабы избежать нежелательных столкновений и конкуренции с непредсказуемым исходом, способным сказаться на внутриевропейских делах и создать угрозу масштабного военного столкновения, представлялось более разумным заранее произвести раздел, устранив возможный предмет не столько настоящих, сколько будущих разногласий. Параллельно Остерхаммель отмечает, сколь большой вклад колониализм внес в разрушение традиционных легитимностей — даже если останавливаться исключительно на внешних, формальных критериях, то «европейское колониальное правление было величайшим врагом монархий в XIX столетии» (Osterhammel, Camiller, 2014: 580), уничтожив, ослабив или существенно ограничив их власть.

Иными словами, империи оказывались решающим феноменом XIX в., не противостоящим национализму постольку, поскольку принципы партиципаторности, гражданственности были ограничены достаточно ясно по контексту определяемыми для всех участников политического взаимодействия границами, — то есть пока неравенство само по себе сохраняло остаточную легитимность, а равенство было ограничено вполне конкретными границами, в пределах которых оно должно было осуществляться (как границами территориальными, так и границами персонального статуса). Усилия по выстраиванию национального государства в пределах метрополии и по созданию/расширению/сохранению имперского правления вовне оказывались принципиально непротиворечивым процессом (хотя и не подразумевающим необходимым образом их единство). Так, для Германии притязания на колониальные владения были связаны в том числе и с тем, чтобы претендовать на равенство с другими великими державами: Великобританией и Францией. Но аналогичным образом и «собственная территория», то есть метрополия (противостоящая как подвижной границе, так и колониям), была объектом «колонизации»: «нация», как подчеркивает Остерхаммель

(Osterhammel, Camiller, 2014: гл. XI), присоединяясь к исследованиям последних десятилетий, является тем, что во многом создается государством, — объектом и результатом его воздействия (в противостоянии — более или менее удачном — усилиям контр-элит, направленным на реализацию альтернативных проектов: в пределе — на образование иного государства, которое окажется способным создать свою собственную нацию).

Каждый подобный, столь масштабный по охвату материала, труд интересен во многом теми стратегиями, которые использует автор, чтобы упорядочить материал, сделать его обозримым, — и одновременно производством сопоставлений, обобщений, к которым вынуждает широта охвата, через создание классификаций и типологий. Последние, в свою очередь, значимы не только тем, что позволяют определить типологически схожее, но и способностью обращать внимание на исключения. Анализируя процессы образования национальных государств, Остерхаммель выделяет три пути:

- ◇ путем освободительных революций;
- ◇ через гегемонистскую унификацию;
- ◇ эволюционным путем, через автономию.

Примерами первого рода служат освобождение американских колоний от власти Лондона и Мадрида, равно как Бельгии в 1830 г. от власти Гааги, а также образование греческого государства в результате восстания против Османской империи, в 1827–1830 гг. поддержанного великими державами. При всей разнородности данных событий (включая процесс образования независимого сербского государства, растянувшийся на большую часть XIX столетия), они характеризуются утверждением некоего достаточно близкого исторического события в качестве «учредительного» для нации — политическое сообщество выстраивает собственную субъектность от «общего» для нее действия, обнаруживающего ранее отсутствующее, скрытое, забытое или подавленное (в зависимости от избираемых стратегий легитимации) единство, по отношению к которому предшествующее выступает как предыстория, генеалогия.

Второй тип образования национальных государств представлен случаями Италии и Германии, когда существующее политическое образование (в первом случае королевство Пьемонт-Сардиния, во втором — Пруссия) выступает как решающий субъект в процессе образования национально-государства, выстраивая последнее во многом через распространение на другие части как своей политической власти, так и своих моделей

политической, социальной и культурной организации (так, в Германской империи с 1871 г. «пруссачество» во многом выступало как высший тип «немецкости», когда последняя выстраивалась иерархически — и, соответственно, вызывала оппозицию со стороны иных вариантов понимания национального).

В третьем типе объединяются такие случаи, как выход Норвегии из унии со Швецией или предоставление все более расширяющейся автономии британским доминионам. Британский случай особенно любопытен тем, что Великобритания в имперском плане пережила два принципиально разных этапа в отношении «поселенческих колоний», разделенных 1776–1783 гг.: «вторая» Британская империя строилась уже поверх опыта американской войны за независимость, в связи с чем отношения с доминионами строились как постепенное расширение возможностей участия — в этом отношении британский имперский режим существенно отличался от опыта других империй, для которых (как в случае Испании) отделение колоний стало закатом имперского существования, — либо они не имели столь значимого опыта (как в случае Франции).

Империя, как подчеркивает Остерхаммель, предполагает непременно авторитарное правление, что связано с асимметрией; имперская социальная и культурная интеграция охватывает лишь уровень имперских элит, не распространяясь на средние слои, и т. д. (Osterhammel, Camiller, 2014: 428): тем самым, теперь уже на теоретическом уровне, он подчеркивает, что демократические и авторитарные практики в XIX в. столь же не противоречили друг другу, как в V в. до н. э. демократический строй Афин никоим образом не предполагал демократизма устройства морского союза. В предлагаемой Остерхаммелем убедительной оптике империи и нации не только не противоречат друг другу, — именно империи станут производителями наций, национальных государств (nation-states), создав все условия для развернувшегося с полной силой уже в XX в. процесса (в связи с чем «веком наций» вполне можно назвать ближайшее к нам столетие):

- ♦ в империях XIX в. будут развиты или, в других случаях, возникнут бюрократические режимы управления территориями, формирующие единство последних и определяющие новые границы поверх прежних, определявшихся политическими сообществами, ликвидированными или ослабленными имперским правлением;

- ◇ подданные империй на протяжении XIX – первой половины XX в. все в большей степени будут оказываться объектами непосредственного управления и одновременно будут идентифицироваться в рамках категориальных сеток, внешних по отношению к ним, — тем самым образуя новые, большие и относительно гомогенные общности, способные стать в дальнейшем гражданскими сообществами;
- ◇ новые или качественно преобразованные старые административные единицы, образуемые логикой имперского управления, станут в дальнейшем, в ситуации деколонизации, готовыми единицами политической эмансипации — образования государств, которые, в свою очередь, станут более или менее эффективными производителями национальных сообществ.

Краткий концептуальный очерк, сделанный Остерхаммелем, является, по нашему мнению, весьма перспективной программой многогранных исследований, — подобно тому, как его масштабный труд стал плодом многолетних трудов и ряда монографических исследований, так и сам он в свою очередь уже явился толчком для серии исследований, исходящих из новой оптики (см., напр.: *Nationalizing Empires*, 2015).

ЛИТЕРАТУРА

- Ауст М.* Новая история Российской империи в германской русистике // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И. В. Герасимова [и др.]. — Казань : Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. — С. 599–608. — Библиотека журнала «Ab Imperio».
- Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 1: Роль среды / пер. с фр. М. А. Юсима. — М. : Языки славянской культуры, 2002.
- Бродель Ф.* Очерки истории / пер. с фр. Э. Орловой. — М. : Академический проект, Альма Матер, 2015.
- Брубейкер Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. — М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914 / под ред., пер. с англ. и коммент. Н. Проценко. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Миллер А. И. J.* Osterhammel, Die Verwandlung der Welt. — 2010. — URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/recensio-moskau/2010-3/miller_osterhammel (дата обр. 21.05.2017).
- Hobsbawm E.* The Age of Revolution: Europe 1789–1848. — London, New York : Weidenfeld & Nicolson, Vintage Books, 1962.

Hobsbawm E. The Age of Capital: 1848–1875. — London, New York : Weidenfeld & Nicolson, Vintage Books, 1975.

Hobsbawm E. The Age of Empire: 1875–1914. — London : Weidenfeld & Nicolson, 1987.

Nationalizing Empires / ed. by S. Berger, A. Miller. — Budapest, New York : Central European University Press, 2015.

Osterhammel J. The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century / trans. from the German by P. Camiller. — Princeton : Princeton University Press, 2014.

Teslya, A. A. 2017. "Natsionaliziruyushchiysya vek [Nationalizing Century]: opyt global'noy istorii: diskussiya o knige Yu. Osterkhammelya 'The Transformation of the World' [The Experience of Global History; A Discussion about 'The Transformation of the World' by J. Osterhammel]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (2), 110–120.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY; SENIOR RESEARCHER AT THE INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY, KALININGRAD; ASSOCIATE PROFESSOR IN THE PHILOSOPHY AND CULTURAL STUDIES DEPARTMENT, PACIFIC NATIONAL UNIVERSITY, KHABAROVSK

NATIONALIZATING CENTURY

THE EXPERIENCE OF GLOBAL HISTORY; A DISCUSSION ABOUT "THE TRANSFORMATION OF THE WORLD" BY J. OSTERHAMMEL

OSTERHAMMEL, J. 2014. *THE TRANSFORMATION OF THE WORLD: A GLOBAL HISTORY OF THE NINETEENTH CENTURY [DIE VERWANDLUNG DER WELT: EINE GESCHICHTE DES 19. JAHRHUNDERTS]*. TRANS. FROM THE GERMAN BY P. CAMILLER. PRINCETON: PRINCETON UNIVERSITY PRESS

REFERENCES

- Aust, M. 2004. "Novaya istoriya Rossiyskoy imperii v germanskoj rusistike [The New History of Russian Empire in German Russian Studies]" [in Russian]. In *Novaya imperskaya istoriya post-sovet-skogo prostranstva [The New Imperial History of the Post-Soviet Space]*, ed. by I. V. Gerasimov et al., 599–608. Kazan': Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii.
- Berger, S., and A. Miller, eds. 2015. *Nationalizing Empires*. Budapest and New York: Central European University Press.
- Brodel', F. [Braudel, F.] 2002. *Sredizemnoye more i sredizemnomorskiy mir v epokhu Filipa II. Ch. 1: Rol' sredi [La Méditerranée et le Monde Méditerranéen a l'époque de Philippe II. Tome 1: La part du milieu]* [in Russian]. Trans. from the French by M. A. Yusim. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- . 2015. *Ocherki istorii [Ecrits sur l'Histoire]* [in Russian]. Trans. from the French by E. Orlova. Moskva [Moscow]: Akademicheskij proyekt / Al'ma Mater.

- Brubeyker, R. [Brubaker, R.] 2012. *Etnichnost' bez grupp [Ethnicity without Groups]* [in Russian]. Trans. from the English by I. Borisova. Moskva [Moscow]: Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki.
- Hobsbawm, E. 1962. *The Age of Revolution: Europe 1789–1848*. London and New York: Weidenfeld & Nicolson / Vintage Books.
- . 1975. *The Age of Capital: 1848–1875*. London and New York: Weidenfeld & Nicolson / Vintage Books.
- . 1987. *The Age of Empire: 1875–1914*. London: Weidenfeld & Nicolson.
- Miller, A. I. 2010. “J. Osterhammel, Die Verwandlung der Welt” [in Russian]. Accessed 2017-05-21. http://www.perspectivia.net/publikationen/recensio-moskau/2010--3/miller_osterhammel.
- Osterhammel, J. 2014. *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century [Die Verwandlung der Welt: Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts]*. Trans. from the German by P. Camiller. Princeton: Princeton University Press.
- Vallersteyn, I. [Wallerstein, I.] 2016. *Triumf tsentrist-skogo liberalizma, 1789–1914 [Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914]* [in Russian]. Vol. IV of *Mir-sistema Moderna [The Modern World-System]*, ed., trans. from the English, and comm. by N. Protzenko. Moskva [Moscow]: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.